

УДК 821.161'01
ББК 83.3(0)4

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2018 г. Т. Н. Соловьева
г. Курган, Россия

**ТРАДИЦИИ ПРЕПОДОБНИЧЕСКОГО ЖИТИЯ В ЖАНРОВОЙ
РАЗНОВИДНОСТИ СВЯТИТЕЛЬСКОГО ЖИТИЯ
(ПЕРЕВОДНЫЕ ТЕКСТЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ АГИОГРАФИИ)**

Аннотация: В статье на основе сопоставительного анализа жанрово-композиционной схемы семи переводных византийских святительских житий (в частности, начала их главной части) и канона византийского преподобнического жития (а именно комплекса мотивов, отражающих «земную основу», с которой начинается путь будущего святого, а также мотивов, представляющих собой пролог к его будущему подвижничеству) выявляются константные мотивы, утвердившиеся в святительском житии под влиянием преподобнического. Исследование приводит к выводу о значительной роли традиций преподобнического жития в формировании жизнеописаний церковных иерархов. Анализ показал, что традиционными для изученных святительских житий можно назвать мотивы прославления (упоминания) родины святого, его крещения, благочестивого детства/отрочества/юности. Замечено, что мотив упоминания/прославления родителей являлся для агиографов более значимым, нежели мотив чудесного рождения. Вместе с тем в ряде случаев отмечено стремление агиографов к творческой самостоятельности, что характерно для средневековой книжности в целом. В аспекте предмета настоящего исследования фундаментальных несоответствий между переводными древнерусскими текстами, представленными в ВМЧ митрополита Макария, и их греческими оригиналами не замечено.

Ключевые слова: канон, мотив, жанровые разновидности, святительское житие, преподобническое житие.

Информация об авторе: Татьяна Николаевна Соловьева — старший преподаватель, Курганская государственная сельскохозяйственная академия им. Т. С. Мальцева, 641300 с. Лесниково, Кетовский р-н, Курганская обл., Россия. E-mail: solovyeva-05.04@mail.ru

Дата поступления статьи: 04.03.2018

Дата публикации: 28.12.2018

Для цитирования: Соловьева Т. Н. Традиции преподобнического жития в жанровой разновидности святительского жития (переводные тексты византийской агиографии) // Вестник славянских культур. 2018. Т. 50. С. 103–118.

В современной медиевистике утвердилось мнение о том, что в основу канона, определившего основные требования к различным жанровым разновидностям агиографической литературы, легло представление о различных путях «подражания Христу». Все святые призваны были стать учителями для окружающих. В силу сложившихся исторических условий, а также исходя из личного жизненного опыта и склонностей, подвижники выбирали разные пути «учительства» [19, с. 115], что определяло соответствующий тип героя житийного произведения. Различные варианты канонической житийной схемы, породившие жанровые разновидности агиографии, отражали набор тем и мотивов, который варьировался в зависимости от того, какой путь подражания был в каждом случае избран героем [19, с. 113].

Классификация житий-биос, жанровая структура которых обусловлена типом главного героя, разработана В. В. Кусковым. Помимо мученика, он выделял следующие разновидности жития-биос: исповеднические, святительские, преподобнические, отшельнические, жития столпников и юродивых Христа ради [16, с. 11–12].

Наименее изучена, на наш взгляд, композиционная схема святительского жития.

Отметим, что в качестве точки отсчета при анализе жанровых разновидностей произведений агиографии традиционно выдвигается преподобническое житие-биос, основой композиции которого являлось хронологически последовательное повествование о трудах и подвигах святого.

С. В. Минеева вслед за Хр. Лопаревым [17] обозначает ряд устойчивых канонических элементов композиции преподобнического жития: рождение с возможными сопутствующими чудесами, упоминание о родителях и родине святого, крещение как духовное рождение, которое может сопровождаться прозрением священником будущих подвигов героя, благочестивое детство и юность (отказ от забав, ранняя склонность к молитвам и посту, стремление к постижению священных книг, отказ от брака и содержание своего тела в непорочности), семейный конфликт, «расточение» имущества, уход от «мира», монашеский постриг, воспитание братии личным примером и словом, духовное влияние на «мирскую» жизнь, благочестивая кончина (предвидение своей смерти, предсмертное завещание братии, скорбь иноков, погребение), прижизненные и посмертные чудеса [19, с. 126–128, 142, 165].

В данной статье предпринимается попытка анализа реализации в жанрово-композиционной схеме переводного святительского жития утвердившегося для преподобнического жития комплекса мотивов, отражающих «земную основу», с которой начинается путь будущего святителя, а также мотивов, представляющих собой пролог к будущему подвижничеству святого.

Объектом исследования являются следующие переводные, известные в Древней Руси, памятники византийской агиографии: «Слово о жизни св. Григория Чудотворца», жития Спиридона Тримифунтского, Григория Акрагантского, Иоанна Златоуста, Василия Великого, Епифания Кипрского и Николая Мирликийского. Все тексты, за исключением Жития Епифания Кипрского, исследуются по редакциям, представленным в ВМЧ митрополита Макария по изданию Археографической комиссии.

Принимая во внимание тот факт, что славянские переводчики и переписчики «Макарьевского кружка» могли внести некоторые изменения в греческие оригиналы, мы обращаем внимание на информацию, представленную издателями в подстрочных сносках к текстам в ВМЧ. Одним из правил, принятых членами Археографической комиссии при издании ВМЧ, о чем они заявили во вступлении к десятому выпуску [5], являлось сличение публикуемого списка с греческим оригиналом и приведение в сносках

греческого текста в случаях неясности или испорченности славянского перевода. В своих замечаниях издатели поясняют, уточняют славянский перевод, в том числе перевод имен собственных, в ряде случаев указывают на неполноту или, наоборот, излишние дополнения древнерусских перелагателей. Значимые для настоящей работы случаи несовпадения греческого варианта (приводимые с переводом или без него в подстрочных сносках в ВМЧ), славянского перевода этого текста в ВМЧ и иного перевода данного греческого текста (если таковой имеется) особо оговариваются. В то же время необходимо сказать, что выводы в отношении Жития Епифания Кипрского можно делать лишь полностью основываясь на его славянском переводе, представленном в Успенском сборнике.

«Слово о жизни св. Григория Чудотворца» создано в IV в. свт. Григорием, епископом Нисским. В русском переводе памятник представлен в Творениях св. Григория Нисского (ТСОРП, 1871, т. 45, ч. 8), а также в ВМЧ митр. Макария, по которым исследуется в настоящей работе (В той же д(е)нь житїе с(вя)т(о)го Григорїа чю(до)творца, списано с(вя)т(ы)мъ Григорїе(м) Нїськы(м) [8, стб. 2652–2700; 9, стб. 2701–2704]). Отметим, что редакция, представленная в ВМЧ, в ряде случаев довольно сложна для восприятия и понимания современным читателем. Издатели данной редакции, сличавшие ее с греческим списком памятника в Патрологии Миня (PG, т. 46 стб. 893–957), отмечали в подстрочных сносках, что славянский перевод темен и испорчен переписчиками, к тому же выполнен, по их мнению, по несколько отличающейся редакции [8, стб. 2651–2652]. Именно текст Жития, содержащийся в *Patrologia Graeca* (Патрологии Миня) авторы «Библиографического указателя к “Творениям святых отцов в русском переводе” [1855–1865, 1871–1872 гг.]» установили в качестве оригинального источника текста Жития в ТСОРП (1871) [2, с. 456], что позволило нам сопоставить переводной текст в ТСОРП с текстом в ВМЧ. Сопоставление показало, что тексты имеют немало различий, описание которых оставляем за рамками данной статьи. Заметим, что имеющиеся различия не значимы в аспекте предмета настоящего исследования. В отношении композиционной структуры тексты в ВМЧ и ТСОРП схожи. Добавим, что в Житии (как в ВМЧ, так и в ТСОРП) святитель Григорий именуется Великим, а не Чудотворцем, как в заголовке Жития. Наименование «Чудотворец» закрепляется за епископом Неокесарийским лишь в V в. [23, с. 77].

Житие Спиридона Тримифунтского создано епископом Феодором Пафским в середине VII в. [26, с. 4]; в русском переводе оно представлено в ВМЧ митр. Макария (В той же д(е)нь житїе с(вя)т(о)го ѿца нашего еп(и)с(к)опа града Тримифиньскаго чю(до)творца Спиридона, списано Феѡ(до)ромъ еп(и)с(к)опомъ града Пафа [6, стб. 883–935]). Исследователь житийной традиции Спиридона А. Ю. Виноградов издал созданный Феодором греческий текст Жития по иерусалимскому списку *Hier. Sab. 259* (рукопись P), который, по мнению исследователя, стоит ближе к протографу, и его перевод [26, с. 80–215]. Сопоставление имеющих непосредственное отношение к настоящей работе фрагментов двух переводных текстов — представленного в ВМЧ и опубликованного А. Ю. Виноградовым — не выявило сколько-нибудь значимых различий.

Житие Григория Акрагантского создано Леонтием, игуменом монастыря св. Саввы в Риме; со временем авторство Жития было приписано иноку Марку из того же монастыря [18, с. 474]. Согласно исследователям, в IX–X вв. Житие было переработано Никитой Пафлагоном и включено Метафрастом в минологическое собрание житий святых [18, с. 474]. Обилие расхождений в хронологии Жития, географические и исто-

рические детали, отсутствие имен значимых фигур эпохи свидетельствуют, по словам исследователей, о западном происхождении Жития и о том, что оно было создано значительно позже описываемых событий — после VI–VII вв. [18, с. 475–476]. В настоящей работе исследуется пространная редакция Жития, текст которой издан, по словам О. В. Творогова, только в составе ВМЧ [29, с. 205] (М(с)ца того(ж) в кѣ Леонтїа презвитера, черноризца, игоумена монастырѧ с(вя)т(о)го Савы, Ри(м)скаго града, повѣсть жи(т)(и)а и чюдеси пр(е)п(о)д(б)наго и бл(а)женаго ѡца нашего Григорїа, еп(и)с(ко)па бывшаго Акраган(с)тѣи ц(е)ркви, и(ж) Сикелїискыа ѡбласти [10, стб. 3123–3224]).

Житие Иоанна Златоуста — один из известнейших памятников ранней переводной славянской традиции. Житие было создано в конце VII – начале VIII вв. и приписано Александрийскому патриарху Георгию [27, с. 151]. Славянский переводчик Жития «не удовлетворился источниками, из которых черпал свои сведения об Иоанне Златоусте <...> но добавил к ним отрывок из “Церковной истории” Созомена <...> отсутствующий в греческом оригинале» [27, с. 151–152]. В настоящей работе Житие исследуется по ВМЧ (ЖИТИЕ СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТАУСТА. В ТОЙ ЖЕ ДЕНЬ, сказанїе Георгїа архїепископа Александрьскаго, о житїи святаго Іоанна Златауста, архїепископа Константина града [7, стб. 898–1131]), основой издания которого стал наиболее ранний из известных, первый, список Жития [27, с. 152].

Житие Василия Великого, по словам А. В. Муравьева, «(практически единственное) было написано неизвестным автором и приписано св. Амфилохию Иконийскому, другу и соратнику Василия» [21, с. 142]. Предполагается, что первоначальный вариант Жития был написан вскоре после кончины св. Василия (конец IV в.). Впоследствии Житие, вероятно, подверглось значительной переработке: в VIII–IX вв. в текст были введены многие фрагменты, в 858–867 гг. Урс Диякон выбросил целые куски текста как «неаутентичные» фрагменты [21, с. 142]. Сочинение Псевдо-Амфилохия, переведенное южными славянами не позднее X в., вошло в состав ВМЧ [22, с. 186], по которым исследуется в данной работе (В той(ж) днь житїе и чюдеса и(ж) въ с(вя)тыхъ ѡца н(а)шего Василїа Великаго, архїеп(и)с(ко)па Кесарїа Кападокїискыа, списана Амфилохїе(м), епископо(м) Иконийскы(м). Бл(а)го(с)ло(ви) ѡ(ч)е) [11, стб. 8–53]).

Житие Епифания Кипрского приписывается ученикам Епифания — Иоанну и Полибию, однако в действительности, по мнению исследователей, написано гораздо позже чиновником из Констанции, который, опираясь на сочинения самого святителя, «Церковную историю» Созомена, добавил множество вымыслов и легенд. Заслуживающими доверия считаются первые 8 глав текста (о юном возрасте Епифания) [31, с. 557]. В настоящей работе текст исследуется по опубликованному в составе Успенского сборника XII–XIII вв. списку (МСЦА МАИЯ ВЪ . б̄ і . д(е)нь иѡана прозвутера града костантїа . ѡ житїи бл(а)ж(е)наго и славнаго епифана . еп(и)с(ко)па купрьска . града костантїа . г(оспод)и бл(а)г(о)с(ло)ви [30, л. 146 а – 175 б]). Текст Жития в составе Успенского сборника включает две части: повествование пресвитера Иоанна [30, л. 146 а – 157 а] и «Повѣсть Поливия епспа ринокурьскаго. о коньчании житїя стаго оца нашего. и архїеиспа купрьскаго» [30, л. 157 а – 173 а]. Далее читаются статьи, имеющие непосредственное отношение к святителю: «Посълание полувия епспа града ринокурьска. к савиноу епспоу. града костантїа купрьска» [30, л. 173 а – 173 в] и «посълание савина епспа. града костантїа. кипрьскыа митрополия. къ полувию епспоу. ринокурьскоу» [30, л. 173 в – 175 б]. Первая из них передает просьбу Полибия сообщить о том, когда и где был погребен Епифаний, а вторая — содержит сокрушения нового епископа Констанции по поводу отбытия Полибия с Кипра, подробное пове-

ствование о погребении Епифания, сообщение о его посмертных чудесах и о посольстве к императору Аркадию.

Житие Николая Мирликийского написано византийским агиографом Симеоном Метафрастом в X в. [27, с. 168]. В древнерусской книжности встречается около сорока различных произведений, соотнесенных с культом Николая Мирликийского, в том числе несколько Житий [27, с. 168–172]. Исследуемый текст Метафрастова Жития Николая входит в состав ВМЧ (В ть(ж) д(е)нь житіе и жизнь и отчасти чюдесь сповѣданіе и(ж) въ с(вя)тыхъ отца н(а)шего Николы чюдотворца, архіеп(и)(с)(ко)па Ми(р)ликійска(г) [6, стб. 695–724]). Перевод этого Жития по изданию Г. Анриха 1913 г. опубликован в «Византийских легендах» — труде, подготовленном С. В. Поляковой [3, с. 140–155]. Имеющиеся несоответствия между древнерусским переводом в ВМЧ, его оригиналом (в соответствии с замечаниями издателей) и переводом С. В. Поляковой будут оговорены ниже.

Известно, что «земную основу» героя отражают мотивы его чудесного рождения, прославления родителей и места рождения.

Чудесное рождение святого обнаруживается только в Житии Николая, что вполне закономерно, принимая во внимание подход к литературному творчеству автора — Симеона Метафраста, знаменитого «перелагателя» агиографических произведений в соответствии с требованиями канона [24, с. 233]. Как отмечает болгарский исследователь Д. Кенанов, с «агиографической реформой Симеона Метафраста <...> жития святых становятся важной составляющей частью церковной богословской культуры, в которой художественная ценность текста зависит от точного следования правилам, канону...» [15, с. 668]. Так, Метафраст сообщает о факте рождения святого, сопровождающегося в определенном смысле чудом: мать становится бесплодной, чтобы не иметь возможности более родить подобного ребенка. Подчеркивается важность этого события для христиан: «...многъкраты съ супругомъ си д(у)ховны(м) въздаста плодъ, добродѣтелии събраніе...» [6, стб. 696].

В Житии Григория Акрагантского кратко, однако в рамках канона, сообщается о факте рождения подвижника («...родиста же блаженнаго») [10, стб. 3124].

Авторы остальных житий не дают информации о рождении святого.

Большее типологическое сходство обнаруживается в характеристике семейных корней героя. Предки будущего святого — это обычно благочестивые, именитые люди. По утверждению Х. М. Лопарева, известны ли были имена родителей святого, или нет, авторы так или иначе касались этой темы [17, с. 21].

О состоятельных и добродетельных христианах Харитоне и Феодотии — родителях Григория Акрагантского — повествуется в посвященном ему Житии [10, стб. 3124].

Родители Златоуста — Секунд и Анфуса — канонично описываются как достойные богатые люди [7, стб. 901]. А. С. Балаховская, сравнив повествование Псевдо-Георгия с произведениями ранней агиографии, посвященными Златоусту, отмечает, что в них не придается значения знатности рода святого. Исследовательница совершенно справедливо утверждает, что указание более позднего агиографа на происхождение Иоанна от одного из самых высокопоставленных людей в городе обусловлено стремлением автора подчеркнуть особые достоинства своего героя и возвысить его [1, с. 4]. Заметим, что Псевдо-Георгий создавал свое сочинение в конце VII – начале VIII вв. К этому времени уже в целом сформировался канон византийского жизнеописания, заимствовавшего, кроме прочих, черты произведений античной биографии, имевших

целью прославление описываемого лица [24, с. 222]. Наряду со стремлением следовать требованиям канона, автор отходит от исторической достоверности, сообщая о первоначальной приверженности родителей Иоанна языческой вере [7, стб. 901]. Как утверждают исследователи, родители Златоуста были христианами [14, с. 160].

Агиограф Епифания Кипрского упоминает об отце святого — земледельце и матери его — «линифарее» («линиоарей») [30, л. 146 а].

Симеон Метафраст представляет родителей Николая Мирликийского как людей благородных, достаточно богатых, но не «преобильно живущих», не ищущих славы мирской и являющихся образцом нестяжательности для будущего отрока [6, стб. 695]. Следует заметить, что в славянском переводе Жития названы отсутствующие (в соответствии с указанием издателей ВМЧ) в греческом оригинале имена родителей («Феофанъ» и «Нона»). Имена отсутствуют и в переводе этого Жития, представленном в «Византийских легендах» [3, с. 140]. Славянский переводчик / редактор ВМЧ проявил инициативу и заполнил лауну недостающей, по его мнению, информацией. Возможно, имена родителей заимствованы из так называемого «Иного жития», посвященного св. Николаю Пинарскому [6, стб. 589–624]. А. Ю. Виноградов относит возникновение смешения агиографических мотивов из двух первоначально независимых друг от друга источников — житийных традиций святителя Николая Мирликийского (IV в.) и архимандрита Сионского монастыря и епископа Пинарского Николая (VI в.) — к концу IX – первой половине X вв. [4, с. 103].

Агиографы Григория Чудотворца, Спиридона Тримифунтского и Василия Великого отходят от требований композиционной схемы преподобнического жития. Так, составитель самого раннего из исследованных памятников намеренно отвергает средства «мирской» литературы при создании образа Григория Чудотворца. Убеждение в том, что не будет истинной та похвала, которая не является своей, личной, для прославляемого [8, стб. 2656], побуждает агиографа отказаться от упоминания о предках своего героя и об их богатстве [8, стб. 2656, 2659]. Таким образом, Григория Нисского можно назвать одним из тех агиографов, которые, по словам Х. М. Лопарева, «всячески избегали всего, что так или иначе могло бы бросить тень в смысле влияния на них классических образцов, и пытались самостоятельным путем писать житие святого» [17, с. 15].

Отступление агиографов Спиридона и Василия от требований композиции агиографического произведения может быть объяснено объективными причинами — отсутствием у составителей необходимых сведений.

По свидетельству А. Ю. Виноградова, жизнеописание Спиридона большей частью основано на несохранившемся стихотворном житии, созданном Трифиллием Ледрским в IV в. [26, с. 1, 4]. Феодор Пафский (автор исследуемого сочинения) утверждает, что все его «списание», немного им расширенное, можно обрести в книгах Трифиллия [6, стб. 922], поэтому с большой долей вероятности можно предположить, что и первоначальное (Трифиллиево) жизнеописание Спиридона не содержало сведений о его родителях.

Нежелание составителей (в случае отсутствия определенной информации о святом) заполнить «лакуны» в житийной схеме трафаретными формулами обусловлено, скорее всего, тем, что византийские агиографы не были всецело скованы законами агиографического жанра [24, с. 235], и каноническая схема могла варьироваться в творчестве разных авторов [24, с. 234].

По схеме преподобнических повествований, кроме родителей, должна быть упомянута / прославлена родина святого. Авторы всех исследуемых памятников соблю-

дают это требование канона: «...Кѡпрьскаго же бѣше родомъ града» в Житии Спиридона [6, стб. 884]; «...родисѧ в веси гл(агол)емѣи Протори (Πραϊτωρια), близъ Акрагантскаго града...» в Житии Григория Акрагантского [10, стб. 3124]; «...Антиохіанинь бѣ Сѡрія...» в Житии Златоуста [7, стб. 901]; «...Каподокианинь бо бе родомъ...» в Житии Василия [11, стб. 10]; «...рода оубо бѣ финикиискаго . живоущиихъ окръс(т) елевѣоропола...» (рода финикийского, из селения в окрестностях Элевтерополя) в Житии Епифания [30, л. 146 а]. В Житии Николая в славянском переводе кратко прославлена родина святого: «...Патара бѣ отчъство, гра(д) Ликійскыи и въ свѣтлы(х) п(е)рѣвьи» [6, стб. 695]. В греческом варианте, как следует из замечания издателей Археографической комиссии, читалось немного иначе: «μαί τὸν ἐπιφανὸν πρότερον», что означает следующее: (этот город) «из видных (выдающихся) прежде (в прошлом)». Как видно, смысл выражений несколько различен, однако цель у них одна — прославить место рождения Николая, — что значимо для нашего исследования. Очень близок к указанному греческому варианту перевод, представленный в «Византийских легендах», где о городе Патара говорится: «славный некогда» [3, с. 140]. Таким образом, славянский перелagатель Жития в составе ВМЧ в данном случае отходит от первоисточника, сохраняя, тем не менее, основную направленность выражения.

Противоречивое отношение автора «Слова о жизни Григория Чудотворца» к прославлению родины святого отражено в своеобразии реализации данного мотива: отвергая использование приемов «внешнего», языческого, обычая для восхваления христианина и заявляя о намерении умолчать об отчизне Григория Чудотворца [8, стб. 2654, 2656], но в то же время, опасаясь упреков читателей [8, стб. 2657], Григорий Нисский все же добавляет несколько похвальных фраз о родине будущего святителя — Понте [8, стб. 2657–2658], упоминает родной город Чудотворца — Неокесарию («Кесаріа») и описывает историю появления его названия [8, стб. 2658]. Затем вновь Григорий Нисский заявляет, что эта информация никоим образом не послужит для целей прославления святого [8, стб. 2658, 2659].

Итак, исследование семи переводных, бытовавших на славянской почве, византийских святительских житий, созданных в IV–X вв., показало, что мотив чудесного рождения реализован в полном соответствии с канонам в Житии Николая Мирликийского; о факте рождения святого кратко сообщается в Житии Григория Акрагантского. Мотив прославления (упоминания) родителей реализован в житиях Григория Акрагантского, Иоанна Златоуста, Николая Мирликийского, а также в Житии Епифания Кипрского в составе Успенского сборника.

Упоминания о предках святого отсутствуют: в Похвальном слове IV в. («Слово о жизни Григория Чудотворца»), в памятнике середины VII в. (Житие Спиридона Трифунтского), в памятнике, относящемся к VIII–IX вв. (Житие Василия Великого).

Отход от традиции в первом из названных сочинений продиктован, как уже было сказано, сознательным намерением автора отказаться от «мирских» способов прославления героя. Отступление от требований композиции агиографического произведения в житиях Спиридона и Василия может быть объяснено, во-первых, реальным отсутствием у агиографов необходимых сведений, а во-вторых, тем, что византийские авторы порой выходили за рамки жанрового канона.

Таким образом, в качестве характеристики «земной основы», с которой начинался путь подвижника, мотив прославления (упоминания) родины святого являлся для большинства авторов исследуемых текстов более значимым, нежели мотивы чудесного рождения и благочестивых родителей. При этом не выявлено однозначной хронологической зависимости в отношении становления последних двух мотивов.

К каноническим элементам жанрово-композиционной схемы преподобнического жития относятся мотивы, представляющие собой пролог к дальнейшему подвижничеству героя: мотивы его крещения, добродетельного детства и юности [19, с. 126]. Среди исследуемых святительских житий мотив крещения подвижника реализован в следующих памятниках: в «Слове о жизни Григория Чудотворца» [8, стб. 2662–2663]; в Житиях Григория Акрагантского [10, стб. 3124], Иоанна Златоуста [7, стб. 901], Василия Великого [11, стб. 16], Николая Мирликийского [6, стб. 697]. Оговоримся, что в последнем памятнике речь идет не о крещении непосредственно, а о возведении подвижника в сан пресвитера. Ясно, что без обряда крещения это было бы невозможным.

В отношении двух авторов установлено, что они соблюдают историческую достоверность, сообщая о крещении героев в определенный период их жизни. Так, Григорий Нисский, повествуя о юношеском возрасте Чудотворца, указывает на принятие им крещения. На сегодняшний день известно, что первоначальное воспитание Григория было языческим [23, с. 76], следовательно, он не мог быть крещен в детском возрасте. В сообщении о крещении отметим небольшое опущение славянского переводчика. Согласно ему, Григорий настолько исправил (очистил) свою жизнь до введения в «тайное и бесплотное порождение» (крещение), что никакой греховной скверне к нему не «прилѣпитисѧ» [8, стб. 2663]. В соответствии с греческим текстом (согласно указаниям издателей ВМЧ и тексту в ТСОП), Григорий достиг такого совершенства, что никакой скверны греховной не привнес в купель крещения [8, стб. 2663–2664; 28, с. 137]. Ясно, что отступление славянского перелagателя не нарушает общий смысл греческого источника.

Псевдо-Амфилохий, описывая период достаточно зрелого возраста Василия, справедливо помещает здесь и повествование о его крещении (ср.: [20, с. 136]). Однако, отступая от исторической правды, автор называет епископа Иерусалимского Максимиана (Максима — греч.) вместо епископа Кесарийского Диания (ср.: [20, с. 136]) в качестве крестителя своего героя и указывает на Иордан как место крещения [11, стб. 16]. Подобную фактическую недостоверность можно объяснить стремлением агиографа придать значимость этому эпизоду в жизни Василия: добившись исключительного успеха во «всех земных науках», однако так и не сумев уразуметь Божественную премудрость [13, с. 135], святой, наконец, получает настоящее духовное рождение в священной для христиан реке при посредстве епископа священного города.

Соблюдая традиции преподобнического жития, в котором мотив крещения обычно осложняется дополнительными деталями, агиографы Василия и Николая вводят чудеса, сопровождающие обряды крещения (чудо-знамение с молнией и голубицей на Иордане [11, стб. 16] и прозрение будущих подвигов святого (при возведении его в пресвитеры) архиереем Мир [6, стб. 697], соответственно).

Сообщая о принятии Григорием Чудотворцем, Василием Великим и Николаем Мирликийским крещения в сознательном возрасте, авторы тем самым подчеркивают начало сознательного пути героя к Богу.

Информация агиографа Златоуста о его крещении в детском возрасте, в то время как это событие произошло, когда Иоанн был уже достаточно взрослым [14, с. 161], обусловлена стремлением автора подчеркнуть свойственную его герою с детских лет святость.

В Житии Епифания Кипрского в составе Успенского сборника не имеется сведений о крещении подвижника, поскольку список Жития в этом памятнике с лакунами [29, с. 208]. По замечанию Е. И. Сарина, «предположительно утрачена тетрадь (в соста-

ве рукописи Успенского сборника. — *Т. С.*), в которой читалось повествование о крещении героя, начале его иноческого служения и первых чудесах» [25, с. 234]. Наличие информации о крещении в первоначальном списке Успенского сборника весьма вероятно, поскольку в тексте следует повествование о служении Епифания настоятелем монастыря.

В целом, мотив крещения можно назвать традиционным для исследованных византийских житий.

Известно, что повествование о детстве и юности героя агиографического произведения должно подтвердить факт святости будущего подвижника. Житийный шаблон требовал говорить, что уже в детстве герой, как правило, отличался от сверстников; в юношеском возрасте святой не любил ни «конских ристалищ, ни светских песен, ни плясок», а усердно изучал Псалтырь, Священное Писание [17, с. 25]. Будущий подвижник при этом неизменно стремился к непорочной жизни.

Агиографы Григория Акрагантского, Иоанна Златоуста и Николая Мирликийского всецело следуют канонической схеме преподобнического жития. Игумен Леонтий кратко упоминает о «детском чистом и нескверном к Богу житии» Григория Акрагантского [10, стб. 3124]. Полнее этот мотив отражен в повествовании об отроческом и юношеском возрасте героя: автор указывает на его склонность к церковным песнопениям и молитвословиям, изучение Псалтыри, трепетное внимание к услышанному из Священных книг и т. д. [10, стб. 3126–3127, 3129]. Детство Златоуста отличается добродетелью [7, стб. 901]. В юности герой отказывается от забав, интересовавших прочих молодых людей [7, стб. 905]; указывается на смирение и отказ от показной пышности, отличавшие его от многих сверстников [7, стб. 901, 902]. Кроме того, Иоанн, как и большинство святых, содержит свое тело в строгости и непорочности и гонит от себя плотские желания [7, стб. 917]. По утверждению А. С. Балаховской, в более раннем памятнике, посвященном Златоусту, подразумевается произошедший в нем духовный переворот, поскольку он предпочел путь духовного подвига пути блестящей светской карьеры [12, с. 48]. У Псевдо-Георгия Иоанн свят с детства [7, стб. 901].

Традиционно свят и благочестив с детства Николай, чья предызбранность явлена уже с младенчества: он прикладывался к материнской груди по средам и пятницам лишь раз в день по вечерам, проявляя тем самым воздержание [6, стб. 696]. Не менее добродетелен Николай и в юности: он избегает неподобающих разговоров, всего суетного, а на женщин даже не взирает, соблюдая целомудрие [6, стб. 696–697]. Мотив юношеского благочестия реализован и в описании стремления к строгости, посту, молитве и непорочности (бесплотной жизни) в содержании своего тела [6, стб. 697].

Более значимым для агиографов Григория Чудотворца, Василия Великого и Епифания Кипрского представляется период отроческого и юношеского возраста святого.

Факт отсутствия рассказа о детстве в повествовании о Чудотворце можно объяснить стремлением автора соблюсти историческую достоверность. Первоначальное языческое воспитание Григория [23, с. 76], вероятно, заставило агиографа умолчать о его детстве. Так, автор прямо заявляет о том, что начнет похвалу с описания того периода, когда жизнь его героя наполнилась добродетелью: «В начато(к) сице возме(м) похваленію, яко(ж) онъ доброю жишнію сдолѣ» [8, стб. 2659] (в греческом варианте, по указанию издателей ВМЧ, — «начнемъ же похвалу съ того, что онъ положилъ началомъ жизни въ добродѣтели», в ТСОРП — «а началомъ для похвалы его возьмемъ то время, какъ онъ началъ добродѣтельную жизнь» [28, с. 133–134] — как видно, смысл греческого текста очень близок к славянскому варианту). Момент начала добродетель-

ной жизни Григория уточняется в тексте: «... родитель оумерше емоу... тогда тоу абіе сїи показа первый начатокъ, како ему есть быти на поконъ оумѣ ставшоу...» [8, стб. 2659], что в переводе на современный язык звучит как: «его родители умерли... тогда он тотчас показал первое начало, каким ему следует стать, когда он встанет на (путь) начала разума/благоразумия» — то есть когда он (Григорий) достигнет благоразумного возраста. Издатели ВМЧ приводят следующий перевод окончания данной фразы: «какимъ онъ станеть въ совершенномъ возрастѣ» [8, стб. 2659–2660]; практически такой же вариант представлен в ТСОРП [28, с. 134]. Некоторое отличие в данном случае славянского перевода от первоисточника не меняет суть настолько, чтобы можно было говорить о несоответствии двух текстов. Таким образом, повествование начинается с того периода, когда Григорий лишился своего отца (а не обоих родителей [23, с. 76]) и впервые обратился к «истинному и спасительному Слову», т. е. примерно с возраста 14 лет [23, с. 76]. Юность будущего святителя канонично благочестива и непорочна: он достаточно рано показал, каким будет, отказавшись от юношеских «буестїи»: охоты, одеяний, пиров, игрощ [8, стб. 2660]. Кроме того, агиограф выстраивает своеобразную шкалу добродетелей, стяжать которые устремился Григорий, будучи в юном возрасте: первой добродетелью следует стремление к мудрости («потщаніе о философїи»), с ней «сопряжено» «м(у)др(о)(с)ть цѣла» (σωφροσύνη [8, стб. 2659–2660] — благоразумие, воздержание, целомудрие; «целомудрие» [28, с. 135]), обеим добродетелям помогало воздержание; негорделивость и беззлобие прикрепились к презрению к богатству [8, стб. 2660]. Автор традиционно отмечает наличие у молодого Григория благоразумия, не свойственного обычно молодым людям его возраста: «... оуноша паче старости бѣ бл(а)гомъ смышлениемъ оутварѣ(м)» [8, стб. 2663] («юноша, украшенный благоразумиемъ совѣмъ не по возрасту», — по указанию издателей ВМЧ и «юноша украшенный цѣломудріемъ свыше своего возраста» — в ТСОРП [28, с. 137]).

Агиограф Василия также не считает необходимым повествовать о детстве своего героя. Возможно, он не располагал сведениями об этом этапе жизни святого. Между тем известно, что детство будущего епископа прошло при его бабушке Макрине, духовным наставником которой был свт. Григорий Чудотворец, и сама она, несомненно, передала маленькому Василию серьезные духовные познания [20, с. 133–134]. При этом, придерживаясь традиции, автор восхваляет добродетели святого, отличавшие его в отрочестве и юности: «кротость естества», «чистоту и многое воздержание и целомудрие», стремление уразуметь Божественную премудрость, изучение Священных книг [11, стб. 10–11].

Агиограф Епифания (в соответствии с Успенским сборником), отказываясь от канонического восхваления его детства, начинает повествование (после упоминания родителей и родины святого) с указания на 10-летний возраст своего героя, когда тот лишился отца, и семья претерпевает определенные сложности [30, л. 146 а – 146 б]. Следовательно, рассказ о будущем святом начинается лишь с его отроческого возраста. Нежелание агиографа повествовать о раннем детстве святого можно объяснить тем, что Епифаний воспитывался, весьма вероятно, в иудейской вере [31, с. 557], и автор первой части, по всей видимости, не обнаружил в детстве иудея ничего достойного восхваления. В силу соблюдения исторической правды, агиограф вкладывает в уста своего героя сообщение о его принадлежности к иудейскому роду [30, л. 146 в]. В то же время исследователям известно приписываемое Епифанию послание к императору Феодосию, в котором он заявляет о приверженности его родителей никейскому вероисповеданию [31, с. 557]; однако это представляется маловероятным [31, с. 557]. В отношении идеа-

лизации отрочества и юности будущего Кипрского епископа агиограф не словоохотлив: указывается (косвенно) на послушание отрока, его богобоязненность и обладание «мудростью еврейской» [30, л. 146 б, 146 г, 147 б, 147 г]. Автор в данном случае находит удачное разрешение вопроса о необходимости Епифанию в будущем вступить в брак: умирает его суженая, дочь некоего «жидовина законоучителя» Трифона, принявшего Епифания на воспитание и прочившего ему в жены свою дочь [30, л. 147 г].

Таким образом, мотив благочестивого детства / отрочества / юности, как залог святости будущего иерарха, в целом можно назвать утвердившимся в исследуемых святительских житиях.

Несколько особняком стоит Житие Спиридона. Его автор не дает информации ни о родителях, ни о детстве, ни о юности святого, что не характерно для композиции жития. Более того, в начале главной части Жития автор отступает и от традиционного принципа хронологического построения повествования жития-биос. Эта часть текста представляет собой пространное прославление добродетелей уже взрослого святого [6, стб. 884–886].

В ходе анализа шести переводных византийских святительских житий, представленных в ВМЧ митрополита Макария, в аспекте предмета настоящего исследования фундаментальных несоответствий между славянскими текстами и их греческими оригиналами не замечено. Дополнение славянского перелagateля (имена родителей святого) и изменение выражения, призванного прославить родину подвижника, — в Житии Николая, незначительное изменение фразы о крещении героя («купель крещения») в Житии Григория Чудотворца не влияют на выводы, представленные в данной работе.

Сопоставительный анализ жанрово-композиционной схемы переводного византийского святительского жития (в частности, начала его главной части) и канона построения начала главной части византийского преподобнического жития (а именно — комплекса мотивов, отражающих «земную основу», с которой начинается путь будущего святого, а также мотивов, представляющих собой пролог к его будущему подвижничеству), приводит к выводу о значительной роли византийского преподобнического жития в формировании жизнеописаний церковных иерархов. Так, для исследованных византийских святительских житий можно назвать традиционными мотивы прославления (упоминания) родины святого, его крещения, благочестивого детства / отрочества / юности. Вместе с тем, мотив упоминания / прославления родителей являлся для агиографов более значимым, нежели мотив чудесного рождения.

Необходимо сказать и о проявлении византийскими авторами определенной самостоятельности (возможно, обусловленной объективными причинами), о чем свидетельствует нарушение ими в ряде случаев традиционного канона, в частности, отсутствие в некоторых текстах информации о рождении и родителях героя, либо полное отсутствие сведений о детском и юношеском возрасте подвижника (например, в Житии Спиридона).

Анализ повествования о начале жизненного пути святого в переводном Житии Епифания Кипрского показал, что отражение мотивов упоминания родителей и родины, благочестивого отрочества и юности в целом отвечает требованиям канона византийского преподобнического жития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Балаховская А. С. Легенды о святых и формирование жанра биографии (по материалам агиографии Иоанна Златоуста) // Вестник МГОУ. 2014. № 1. С. 1–11. URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/510> (дата обращения: 14.06.2016).

- 2 Библиографический указатель к «Творениям святых отцов в русском переводе». 1855–1865, 1871–1872 гг. // Богословский вестник. 2004. Т. 4, № 4. С. 410–477.
- 3 Византийские легенды / изд. подг. С. В. Полякова; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1972. 304 с.
- 4 *Виноградов А. Ю.* Греческая житийная традиция святителя Николая. Проблемы и перспективы // *Добрый кормчий. Почитание святителя Николая в христианском мире: сб. ст. / сост. и общ. ред. А. В. Бугаевский. М.: Скиния, 2010. С. 100–107.*
- 5 Великие Минеи четьи, декабрь, дни 1–5. М.: [б.и.], 1901.
- 6 Великие Минеи четьи, декабрь, дни 6–17. М.: [б.и.], 1904.
- 7 Великие Минеи четьи, ноябрь, дни 13–15. СПб.: [б.и.], 1899.
- 8 Великие Минеи четьи, ноябрь, дни 16–17. М.: [б.и.], 1911.
- 9 Великие Минеи четьи, ноябрь, дни 17–22. М.: [б.и.], 1914.
- 10 Великие Минеи четьи, ноябрь, дни 23–25. М.: [б.и.], 1916.
- 11 Великие Минеи четьи, январь, дни 1–6. М.: [б.и.], 1910.
- 12 Древние жития святителя Иоанна Златоуста. Тексты и комментарий. М.: Паломник, Изд-во ПСТБИ, ИМЛИ РАН, 2007. 528 с.
- 13 Избранные жития святых III–IX вв. М.: Молодая гвардия, 1992. 416 с.
- 14 *Казачков Ю. А.* Иоанн Златоуст // *Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2010. Т. 24. С. 159–179.*
- 15 *Кенанов Д.* (Велико Тырново). Симеон Метафраст и его славянские последователи // *Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. Т. 50. С. 668–676.*
- 16 *Кусков В. В.* Характер средневекового миросозерцания и система жанров древнерусской литературы XI – первой половины XIII в. // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1981. № 1. С. 3–12.*
- 17 *Лопарев Х. М.* Византийские жития святых VIII–IX веков // *Византийский временник. 1911. Т. 17. Вып. 17. С. 1–43.*
- 18 *Луховицкий Л. В., Артюхова Т. А.* Григорий // *Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2006. Т. 12. С. 474–477.*
- 19 *Минеева С. В.* Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких). Курган: Изд-во КГУ, 1999. 198 с.
- 20 *Михайлов П. Б.* Василий Великий // *Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2004. Т. 7. С. 131–146.*
- 21 *Муравьев А. В.* Епископ против кесаря (Истоки одного византийского идеологического мотива) // *Вестник древней истории. 1994. № 4 (211). С. 140–153.*
- 22 *Муравьев А. В., Э. П. А.* Почитание. Мощи // *Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2004. Т. 7. С. 185–188.*
- 23 *Никифоров М. В.* Григорий Чудотворец // *Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2006. Т. 13. С. 75–79.*
- 24 *Попова Т. В.* Античная биография и византийская агиография // *Античность и Византия. М.: Наука, 1975. С. 218–266.*
- 25 *Сарин Е. И.* Биографические и автобиографические элементы в переводных древнерусских житиях // *Вестник БГУ. 2012. № 2: История. Литературоведение. Языкознание. Брянск: Изд-во БГУ, 2012. С. 233–241.*

- 26 Свт. Спиридон Тримифунтский, Кипрский чудотворец. Агиографические источники IV–X столетий. Святая гора Афон: Пустынь Новая Фиваида Афонского Русского Пантелеймонова монастыря, 2008. 296 с.
- 27 Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1987. Вып. 1: XI – перв. полов. XIV в. 493 с.
- 28 Творения святого Григория Нисского // Творения святых отцов в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. М.: Тип. В. Готье, 1871. Т. 45. Ч. 8. 536 с.
- 29 *Творогов О. В.* Древнерусские четьи сборники XII–XIV вв. (Статья вторая: Памятники агиографии) // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1990. Т. 44. С. 196–225.
- 30 Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1971. 770 с.
- 31 *Фокин А. Р.* Епифаний Кипрский // Православная энциклопедия. М.: Православная энциклопедия, 2008. Т. 18. С. 557–579.

© 2018. Tatyana N. Solovyeva
Kurgan, Russia

**TRADITIONS OF REVEREND'S LIFE WITHIN
THE GENRE TYPE OF HIERARCH'S LIFE
(TRANSLATED TEXTS OF BYZANTINE HAGIOGRAPHY)**

Abstract: Basing on a comparative analysis of the genre and compositional scheme of seven translated Byzantine Hierarchs' lives (specifically the beginning of their main parts) and the canon of Byzantine Reverend's Life (namely the motifs reflecting "earthly basics" like parents, homeland representing the prologue to the saint's future ascetic life) the author detects a number of constant motifs established in hierarch's life under the influence of the reverend's one. The research reveals a significant role of the Reverend's life traditions in formation of the Hierarch's life. The paper results in identifying traditional motifs of hierarchs' lives under study such as praising the saint's homeland, baptism and pious childhood / adolescence / youth. Moreover, the motif of celebration of the saint's parents proves to be more important for the hagiographers than that of his miraculous birth. In some instances the Byzantine writers displayed a certain will for creative independence, which happens to be distinctive for the medieval booklore as a whole. As for research subject the paper detected no evidence of fundamental incongruities between translated Old Russian texts, featured in Great Menaion Reader, and their Greek originals.

Keywords: canon, motif, genre types, hierarch's Life, reverend's Life.

Information about author: Tatyana N. Solovyeva — Senior Instructor, Maltsev Kurgan State Agricultural Academy, 641300 Lesnikovo, Ketovo region, Kurgan oblast, Russia. E-mail: solovyeva-05.04@mail.ru

Received: March 04, 2018

Date of publication: December 28, 2018

For citation: Solovyeva T. N. Traditions of reverend's life within the genre type of hierarch's life (translated texts of Byzantine hagiography). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2018, vol. 50, pp. 103–118. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Balakhovskaia A. S. Legendy o sviatykh i formirovanie zhanra biografii (po materialam agiografii Ioanna Zlatousta) [Legends about saints and the formation of the biography genre (on materials of the hagiography of John Chrysostom)]. *Vestnik MGOU*. Available at: URL: <http://www.evestnik-mgou.ru/Articles/Doc/510> (Accessed 14 June 2016). (In Russian)
- 2 Bibliograficheskii ukazatel' k "Tvoreniiam sviatykh otsov v russkom perevode" [1855–1865, 1871–1872 gg.] [Bibliographical index to "Works of Holy Fathers in the Russian translation" [1855–1865, 1871–1872]]. *Bogoslovskii vestnik*, 2004, vol. 4, no 4, pp. 410–477. (In Russian)
- 3 *Vizantiiskie legendy* [Byzantine legends], prepared by S. V. Poliakova, ex. ed. by D. S. Likhachev. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 304 p. (In Russian)
- 4 Vinogradov A. Iu. Grecheskaia zhitiinaia traditsiia sviatitelia Nikolaia. Problemy i perspektivy [The Greek Life tradition of Saint Nicholas. Issues and prospectives]. *Dobryi kormchii. Pochitanie sviatitelia Nikolaia v khristianskom mire. Sbornik statei* [The kind helmsman. The worship of Saint Nicholas in the Christian world. Collection of articles], comp. and ed. by A. V. Bugaevskii. Moscow, Skiniia Publ., 2010, pp. 100–107. (In Russian)
- 5 *Velikie Minei Chetyi* [Great Menology], December, 1–5 days. Moscow, 1901. (In Old Russian)
- 6 *Velikie Minei Chetyi* [Great Menology], December, 6–17 days. Moscow, 1904. (In Old Russian)
- 7 *Velikie Minei Chetyi* [Great Menology], November, 13–15 days. St. Petersburg, 1899. (In Old Russian)
- 8 *Velikie Minei Chetyi* [Great Menology], November, 16–17 days. Moscow, 1911. (In Old Russian)
- 9 *Velikie Minei Chetyi* [Great Menology], November, 17–22 days. Moscow, 1914. (In Old Russian)
- 10 *Velikie Minei Chetyi* [Great Menology], November, 23–25 days. Moscow, 1916. (In Old Russian)
- 11 *Velikie Minei Chetyi* [Great Menology], January, 1–6 days. Moscow, 1910. (In Old Russian)
- 12 *Drevnie zhitiia sviatitelia Ioanna Zlatousta. Teksty i kommentarii* [Ancient Lives of Saint John Chrysostom. Texts and comments]. Moscow, Palomnik, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, Izdatel'stvo IMLI RAN Publ., 2007. 528 p. (In Russian)
- 13 *Izbrannye zhitiia sviatykh III–IX vv.* [Selected Lives of the Saints of the 3th–9th centuries]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1992. 416 p. (In Russian)
- 14 Kazachkov Iu. A. Ioann Zlatoust. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2010, vol. 24, pp. 159–179. (In Russian)
- 15 Kenanov D. (Veliko Tyrnovo). Simeon Metafrast i ego slavianskie posledovateli [Symeon the Metaphrast and his Slavic followers]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1996, vol. 50, pp. 668–676. (In Russian)
- 16 Kuskov V. V. Kharakter srednevekovogo mirosozertsaniia i sistema zhanrov drevnerusskoi literatury XI – pervoi poloviny XIII v. [Character of the medieval

- worldview and the system of the genres of Old Russian literature of the 11th – first half of the 13th centuries]. *Vestnik MGU*, series 9: Philology, 1981, no 1, pp. 3–12. (In Russian)
- 17 Loparev Kh. M. Vizantiiskie zhitiia sviatykh VIII–IX vekov [Byzantine Lives of the saints of the 8th–9th centuries]. *Vizantiyskiy*, 1911, vol. 17, issue 17, pp. 1–43. (In Russian)
- 18 Lukhovitskii L. V., Artiukhova T. A. Grigorii [Gregory]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2006, vol. 12, pp. 474–477. (In Russian)
- 19 Mineeva S. V. *Problemy kompleksnogo analiza drevnerusskogo agiograficheskogo teksta (na primere Zhitiia prep. Zosimy i Savvatiia Solovetskikh)* [Problems of the complex analysis of an Old Russian hagiographical text (through the example of the Life of Zossima and Savvaty Solovetsky)]. Kurgan, Izdatel'stvo KGU Publ., 1999. 198 p. (In Russian)
- 20 Mikhailov P. B. Vasiliu Velikii [Saint Basil the Great]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2004, vol. 7, pp. 131–146. (In Russian)
- 21 Murav'ev A. V. Episkop protiv kesaria (Istoki odnogo vizantiiskogo ideologicheskogo motiva) [Bishop against Caesar (The sources of an ideological motive)]. *Vestnik drevnei istorii*, 1994, no 4 (211), pp. 140–153. (In Russian)
- 22 Murav'ev A. V., E. P. A. Pochitanie. Moshchi [Veneration. Relics]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2004, vol. 7, pp. 185–188. (In Russian)
- 23 Nikiforov M. V. Grigorii Chudotovorets [Gregory the Miracle-Worker]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2006, vol. 13, pp. 75–79. (In Russian)
- 24 Popova T. V. Antichnaia biografii i vizantiiskaia agiografii [Antique biography and Byzantine Hagiography]. *Antichnost' i Vizantiia* [Antiquity and Byzantium]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 218–266. (In Russian)
- 25 Sarin E. I. Biograficheskie i avtobiograficheskie elementy v perevodnykh drevnerusskikh zhitiiakh [Biographic and autobiographic elements in translated Old Russian Lives]. *Vestnik BGU*, 2012, no 2: Istoriia. Literaturovedenie. Iazykoznanie [History. Literary study. Linguistics], pp. 233–241. (In Russian)
- 26 *Svt. Spiridon Trimifuntskii, Kiprskii chudotvorets. Agiograficheskie istochniki IV–X stoletii* [Saint Spyridon, Bishop of Trimythous, miracle-worker of Cyprus. Hagiographic sources of the 4th–10th centuries]. Sviataia Gora Afon, Pustyn' Novaia Fivaida Afonskogo Russkogo Panteleimonova monastyria Publ., 2008. 296 p. (In Russian)
- 27 *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Vocabulary of Old Russian scribes and literary manuscripts]. Leningrad, Nauka Publ., 1987. Issue 1: XI – perv. polov. XIV v. [11th – first half of 14th century]. 493 p. (In Russian)
- 28 Tvoreniia sviatogo Grigoriia Nisskogo [Works of Saint Gregory of Nyssa]. *Tvoreniia sviatykh ottsov v russkom perevode, izdavaemye pri Moskovskoi dukhovnoi akademii* [Works of Holy Fathers in the Russian translation published at Moscow Theological Academy]. Moscow, Tipografiia V. Got'e, 1871. Vol. 45. Part 8. 536 p. (In Russian)
- 29 Tvorogov O. V. Drevnerusskie chet'i sborniki XII–XIV vv. (Stat'ia vtorai: Pamiatniki agiografii) [Old Russian Menaion collections of the 12th–14th centuries (Article two:

- Monuments of hagiography)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, vol. 44, pp. 196–225. (In Russian)
- 30 Uspenskii sbornik XII–XIII vv. [Uspenskii collection of the 12th–13th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 770 p. (In Old Russian)
- 31 Fokin A. R. Epifanii Kiprskii [Epiphanius of Salamis]. *Pravoslavnaia entsiklopediia* [Orthodox encyclopedia]. Moscow, Pravoslavnaia entsiklopediia Publ., 2008, vol. 18, pp. 557–579. (In Russian)